

Каспаров Антон Игоревич

ПРОНИЦАЕМОСТЬ ВЕСТГОТО-ФРАНКСКОЙ ГРАНИЦЫ

В результате политических обстоятельств VI в. прямые контакты между Аквитанией и Средиземноморьем стали все более и более ограниченными, а Септимания, вместо того чтобы стать мостом между Испанией и Галлией, способствовала изоляции Испании от остального западного мира. Судя по археологическим данным, контакты через вестгото-франкскую границу были сведены к минимуму, что глубоко отразилось и на культуре пограничных областей. Единственным связующим звеном для них оставалась Католическая Церковь, служители которой пересекали границу как в одну, так и в другую сторону.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 79-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

15. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
16. Мамбетов Г. Х. Кабардино-Балкария в братской семье народов СССР. Нальчик: Эльбрус, 1989. 189 с.
17. Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44-48.
18. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: сб. ст.: в 2-х т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; ред.: Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. М. – Л.: Акад. наук СССР, 1939-1940.
19. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
20. Свирида Н. Н. Специфика исторического сознания советского общества: культурно-философский контекст // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). Вып. 20. С. 51-57.

PROBLEM OF KABARDA ENTERING INTO THE RUSSIAN EMPIRE STRUCTURE IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY

Zhurtova Anzhela Arikovna

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
Anzhelka28@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the problem of Kabarda entering into the Russian Empire structure in the Soviet historiography. Conceptual approaches that dominated in science in different periods of its development, specifically, the conception of “absolute evil”, the essence of which was in the criticism of imperial colonial policy, the idea of “the least evil” that emphasized the lack of a suitable alternative to entering Russia for Kabarda, the theory of “voluntary joining Russia by the Kabarda people and its progressive consequences”, and also other viewpoints of researchers on the problems of the Russian-Kabarda historic interaction are examined.

Key words and phrases: historiography; voluntary joining; entering; citizenship; Kabarda; Russia.

УДК 94(37).08

Исторические науки и археология

В результате политических обстоятельств VI в. прямые контакты между Аквитанией и Средиземноморьем стали все более и более ограниченными, а Септимания, вместо того чтобы стать мостом между Испанией и Галлией, способствовала изоляции Испании от остального западного мира. Судя по археологическим данным, контакты через вестготско-франкскую границу были сведены к минимуму, что глубоко отразилось и на культуре пограничных областей. Единственным связующим звеном для них оставалась Католическая Церковь, служители которой пересекали границу как в одну, так и в другую сторону.

Ключевые слова и фразы: Септимания; вестготы; аквитанский саркофаг; граница; франки.

Каспаров Антон Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет
akdrama@mail.ru

ПРОНИЦАЕМОСТЬ ВЕСТГОТО-ФРАНКСКОЙ ГРАНИЦЫ©

Вестготско-франкская граница в самом начале VI в. проходила по Луаре, однако уже в первое десятилетие она была резко смещена на юг в результате вестготско-франкской войны 507 г. и стремительной экспансии франкской власти при Хлодвиге и его сыновьях. Таким образом, в 511 г. при разделе владений Хлодвига между его сыновьями почти вся территория Галлии, ранее принадлежавшая вестготам, находилась под контролем франков. В результате вмешательства остготов Теодориха в ход этой войны, что, безусловно, помогло снять угрозу полной гибели королевства вестготов, вестготы потеряли еще и контроль над Провансом, с ключевыми городами Арль и Марсель, которые перешли под власть Теодориха Великого. Таким образом, под властью вестготов в Галлии в 511 г. осталась лишь Септимания. Но существует мнение, что на этом война не закончилась и продолжалась вплоть до 514-515 гг. [1, с. 451]. В это время Теодорих Великий от имени малолетнего Амалариха заключил мирный договор с сыновьями Хлодвига, в результате чего определенно можно сказать, что область г. Родеза оказалась вновь под властью вестготов, то же с большой долей вероятности можно утверждать и об области Альби и Аризита. Таким образом, готам удалось удержать за собой несколько областей Галлии помимо Септимании. Но такой баланс сил не просуществовал долго. В 531 г. вестготское королевство было вновь атаковано франками, и в результате погиб последний король из династии Балтов [2, с. 66]. Но этот удачный поход под предводительством короля Хильдеберта I не повлек за собой прямых территориальных завоеваний. Хильдеберт ограничился лишь богатой добычей, но смерть последнего короля, который не оставил наследника, привела к непродолжительному периоду безвластия, что особенно сильно сказалось на положении вестготов в Галлии. Боясь продолжения экспансии франков, они спешно покидали приграничные области и переходили в Испанию и Септиманию. И их страхи были не беспочвенны. Услышав о ситуации в Вестготском

© Каспаров А. И., 2015

королевстве, два других франкских короля отправляют свои войска под предводительством сыновей на вестготов. Самого большого успеха в этом добился Теодоберт I, сын Теодориха I. Именно ему подчинился Родез, на какое-то время – Лодев (что уже в Септимании) и несколько крепостей в самой Септимании [Там же, с. 74]. Вестготы смогли отстоять Септимианию, но все остальные области в Галлии к 532-535 гг. для них были потеряны. С этого времени вестготско-франкская граница приняла те черты, которые оставались неизменными почти 200 лет, несмотря на все попытки со стороны франков изменить ее.

Таким образом, вестготы сохранили за собой область вне Испании, являвшейся некоей буферной зоной и постоянно находившейся под угрозой нападения соседних франков. Отношение же к ней самой в Испании было неоднозначным. Так, например, Юлиан Толедский в VII в. не очень лицемерно отзывался о жителях Септимании, обвиняя их в гордыне и постоянном стремлении к мятежу [6, р. 526]. Однако Вестготское королевство никогда не отказывало в помощи жителям Септимании, и множество готов жило в этой области.

Отходя от истории, мы бы хотели обратиться к следующему вопросу: насколько тесными были торговые и культурные контакты через вестготско-франкскую границу? И тут существует некоторое расхождение мнений. Э. А. Томпсон писал: «Был очень маленький культурный обмен между Испанией и Францией в VI в. Но это совсем не значит, что было очень мало торговцев и других путешественников между этими странами. Немного известно об отдельных аспектах торговли с франками, но археологические данные не дают усомниться в том, что существовала активная торговля через границу Септимании. Франкские товары и художественный стиль в определенной степени в изобилии достигали Септимании и северной Испании, что видно из раскопок вестготского кладбища в Памплоне» [8, р. 23]. Необходимо рассмотреть это высказывание в разрезе имеющихся письменных источников по VI в. К сожалению, они не могут дать определенного ответа на данный вопрос, так как в них находили отражение в основном экстраординарные события, такие как войны и конфликты, и практически была обойдена вниманием повседневная жизнь. Но, несмотря на все это, нельзя не отметить достаточное количество посольств, отправленных и с той, и другой стороны, причем если в первой половине VI в. они единичны, то ближе к концу мы уже можем говорить о постоянном обмене посольствами. Хотя такое изменение, скорее всего, связано с характером нашего основного источника, а именно Григория Турского. В его трудах вторая половина VI в. более подробно освещена, так как он был ее непосредственным свидетелем [9, р. 183; 10, р. 77]. Нельзя исключать, что послов могли сопровождать торговцы, да и сами послы могли в той или иной мере заниматься торговлей, но в текстах самого Турского не находится непосредственного подтверждения этого. Однако мы можем найти свидетельства иного рода как у Григория Турского, так и в других агиографических источниках. Эти свидетельства касаются относительно беспрепятственного пересечения вестготско-франкской границы католическими священниками различного статуса как в одну, так и в другую сторону. Тут показателен пример Фронимия, который был жителем Буржа и, по словам Григория Турского, неизвестно зачем прибыл в Септимианию, где был благосклонно принят вестготским королем и назначен епископом Агда. Но через некоторое время, во время восстания Герменгильда, он вынужден был покинуть Агд и вернулся во Франкию, где опять же был принят благосклонно [2, с. 263-264]. Можно еще подобрать несколько примеров подобного характера, когда священнослужители достаточно безболезненно пересекали вестготско-франкскую границу. Так, возможно упомянуть епископа Гермерия из Тулузы, пересекшего эту границу, чтобы посетить храм св. Поликарпа, который, по-видимому, находился в Нарбонне [3, р. 593], а также анонимного монаха из *Слава Мучеников* Григория Турского, скрывшегося в Галлии от притеснений Леовигильда [4, р. 546]. Таким образом, для священнослужителей она не стала непроницаемой.

Что же касается аспектов, не касающихся религиозной сферы, то тут необходимо обратиться к археологическим данным. И если вернуться к словам Томпсона, где он говорит о достаточной проницаемости торговли через границу, то единственным доказательством, которое он приводит в защиту, являются находки франкских вещей на кладбище в Памплоне (две фибулы и несколько других вещей из Галлии). Но тут сразу стоит оговориться, что это единичный случай нахождения франкских вещей на территории Испании, нигде больше подобных вещей найдено не было. К тому же территорию Памплоны с достаточно большой натяжкой можно назвать территорией вестготов, большую часть времени она контролировалась басками, воевавшими с вестготами и франками. По мнению Э. Джеймса, такие находки можно было объяснить появлением в Памплоне франкского кладбища в результате похода 541 г. В то время объединенные силы франков дошли до Сарагосы, но были отбиты. Либо это были единичные проникновения на данную территорию людей с севера, хотя такие действия и были достаточно затруднены по причине враждебной настроенности басков. Так что довод, приведенный Э. А. Томпсоном, не может служить доказательством тесных культурных связей через границу. И даже наоборот, ознакомившись с ними, Э. Джеймс сделал вывод, что кладбище в Памплоне лишь подчеркивает факт того, что с археологической точки зрения контакты между Испанией и франкскими королевствами были редки [5, р. 227-228].

Однако в нашем распоряжении есть и другой археологический материал. Самыми впечатляющими являются дошедшие до нас так называемые вестготские или аквитанские мраморные саркофаги, мастерские по производству которых с середины V в. существовали в Тулузе, Бордо, Ажене и Нарбонне: все они основным материалом для изготовления имели мрамор из Сент-Бат. Однако интересной характеристикой многих саркофагов из Нарбонна является то, что они полностью являются продуктами местного производства. Ведь при изготовлении саркофагов не использовали мрамор из Сент-Бат, а вместо этого обрабатывали более низкий по качеству мрамор из Сент-Пон-де-Томье, что находится недалеко от Нарбонна. И похоже, что местная мастерская, располагающаяся в Нарбонне, через некоторое время обратилась к местному сырью за неимением другого. В то же время во франкской Аквитании не наблюдается такого изменения в качестве материала для саркофагов, при работе мастерские продолжали использовать мрамор из Сент-Бат. Логическим

заклучением из такого обстоятельства может служить появление границы между франками и вестготами после 507 г., которая препятствовала поставке лучшего по качеству мрамора в Септиманию. К этому стоит добавить, что появление границы ознаменовалось не только окончанием поставок мрамора, но также прекращением обмена мастерами и идеями. Последние саркофаги Септимании представляют собой унылую серию вариаций на практически один тот же лейтмотив. Граница служила изоляцией, а также была барьером для индустрии саркофагов, так как подобная индустрия по роду своей деятельности требовала совершенной организации в производстве и транспортировке [Ibidem, p. 228-233].

Также следует обратиться к рассмотрению темы проницаемости границы в разрезе, касаемом небольших, легко транспортируемых товаров, таких как изделия из металла или керамики. Здесь следует отметить, что каждый район Галлии, включая Септиманию, имел свою особенную отличительную моду на одежду и украшения. В Септимании следовали обычаям жителей Испании, чьи тела были найдены на кладбище в Месете, и эти обычаи сильно отличались от аквитанских. Аквитанские пряжки, очевидно, носили только мужчины. Большие пряжки Септимании в стиле клаузаны использовались в основном, как и в Испании, женщины. Кроме того, в Септимании были популярны дуговые броши, в Аквитании же ни мужчины, ни женщины не смогли усвоить обычай носить такие броши. Таким образом, можно заключить, что фасон одежды аквитанцев был достаточно отличен от того, что было принято в Септимании. Также и отдельные предметы, такие как пряжки, могли оказаться в чужих руках скорее только как трофеи. Так, например, находки аквитанских пряжек, которые были произведены немного западнее от границы с Септиманией, имеют место в Нейстрии и в Бургундии, так же как и в районе Луары, но на противоположной стороне границы, на вестготской территории такие находки единичны [Ibidem, p. 235-236].

Чтобы подтвердить представление границы как барьера для взаимопроникновения культур, стоит только обратить внимание на проблему распространения вестготских предметов на юге Галлии. Прямоугольные пряжки в стиле клаузаны для ремня – самый типичный пример. Некоторые экземпляры из Септимании почти определенно произведены в Испании, другие со схожим дизайном могли бы быть сделанными в самой Септимании. На юго-западе Галлии такие пряжки были найдены в небольшом количестве, так, в маленьком районе Септимании найдено 7 пряжек, в районе Альби – 1, в долине Гаронны – 2 и в Пуату – 1. И ни одной пряжки не было найдено севернее этих районов. Предположение, что существующие находки вне вестготской территории были частью добычи, полученной в Септимании, подтверждается фактом того, что две из трех пряжек в стиле клаузаны, найденных в Аквитании, были фрагментарными обломками [Ibidem, p. 237].

Странная внутренняя замкнутость Септимании с археологической точки зрения также отражается и в нумизматике. Меровингские монеты почти не представлены в Септимании. Вестготские монеты с именами вестготских королей находят в Септимании и южной части Гаскони, но не проникают в остальные части Галлии, кроме нескольких случайных экземпляров [7, p. 125]. Возможно, монеты переплавляли сразу после пересечения границы или торговля через границу была очень мала, но в любом случае мы можем заключить, что монеты, отчеканенные в одном королевстве, не обращались в другом, что на самом деле показывает нам истинную сущность этой границы.

В заключение можно отметить, что, судя по археологическим данным, можно предположить, что большинство населения Септимании (исходя из письменных источников, весьма обезлюдившая провинция, пострадавшая от эпидемий) жило вдоль побережья между городами Перпиньян и Монпелье. Между этим центром расселения и границей простирается широкая полоса почти незаселенной земли, в центре которой, как острова, стоят крепости Каркассона и Нима, которые сдерживали главный удар нападений франков. При таком положении дел совсем не удивительно, что контакты через подобную границу были сведены к минимуму. Вестгото-франкская граница, просуществовав более двух столетий в неизменном виде, была на редкость слабо проницаемой как для товаров, так и для идей. Таким образом, политические обстоятельства глубоко отразились и на культуре пограничных областей, что привело к тому, что эти области начали развиваться автономно друг от друга. Единственное, что объединяло их, несмотря на различие культуры, моды и нравов, была Церковь, служители которой, в отличие от торговцев, регулярно пересекали границу в том и в другом направлении.

Список литературы

1. **Вольфрам Х.** Готы / пер. с нем. Б. П. Миловидова, М. Ю. Некрасова. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.
2. **Григорий Турский.** История франков / пер. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. Т. I. 462 с.
3. **De sancto Germerio episcopo Tolosane in Gallia** // Acta Sanctorum. Maii. T. III / ed. G. Henschenius, D. Papebrochius. Antwerpen, 1680. P. 592-594.
4. **Gregorius Turonensis.** Liber in Gloria Martyrum // Monumenta Germaniae historica inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Scriptorum rerum Merovingicarum. T. III / ed. B. Krusch. Hannover, 1896. P. 484-561.
5. **James E.** Septimania and Its Frontier: an Archaeological Approach // Visigothic Spain: New Approaches: Visigothic colloquy held in Dublin. Oxford, 1980. P. 223-241.
6. **Julianus Toletantis.** Insultatio Vilis Provinciae Galliae // Monumenta Germaniae historica inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Scriptorum rerum Merovingicarum. T. III / ed. B. Krusch. Hannover, 1896. P. 526-529.
7. **Lafaurie J.** Les trouvailles de monnaies des Visigots en Gaule // 94 Congres National des Societe Savantes. Paris, 1971. P. 111-128.
8. **Thompson E. A.** The Goths in Spain. Oxford: Oxford University Press, 1969. 358 p.
9. **Van Dam R.** Leadership & Community in Late Antique Gaul. University of California Press, 1992. 350 p.
10. **Van Dam R.** Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul. Princeton: Princeton University Press, 1993. 349 p.

PENETRABILITY OF THE VISIGOTH-FRANKISH BORDER

Kasparov Anton Igorevich
Saint Petersburg State University
akdrama@mail.ru

As a result of the political circumstances of the VI century direct contacts between Aquitaine and the Mediterranean became more and more limited, and Septimania, instead of becoming a bridge between Spain and Gaul, contributed to the isolation of Spain from the rest of the Western world. According to archaeological data, contacts across the Visigoth-Frankish border were reduced to the minimum, which deeply influenced the culture of the border areas. Catholic Church remained the only link for them, and its ministers crossed the border in both ways.

Key words and phrases: Septimania; Visigoths; Aquitaine sarcophagus; border; the Franks.

УДК 94(470.67)

Исторические науки и археология

В статье на основе анализа архивных материалов и исторической литературы рассматривается дагестанский вектор кавказской политики Российской империи в 40-е гг. XVIII в. Этот период характеризуется обострением политической обстановки на Северном Кавказе, вызванным русско-иранскими и русско-турецкими противоречиями из-за сферы влияния в регионе, а также героической борьбой горцев Дагестана против Надир-шаха. Согласно изученным документам, в ходе народно-освободительной борьбы происходит дальнейший рост пророссийской ориентации местных владетелей.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; Кавказ; Россия; политика; Надир-шах; Порты; Иран; освободительная борьба.

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, д.и.н., профессор
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
daniyal2006@rambler.ru

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, к.и.н.
Дагестанский государственный институт народного хозяйства
vikingpasha@mail.ru

ДАГЕСТАН В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 40-Е ГГ. XVIII В.®

С началом 40-х гг. XVIII в. в истории народов Дагестана открылась новая героическая страница, связанная с борьбой против агрессии персидского завоевателя Надир-шаха.

Надир-шах, одержав в 1737-1739 гг. ряд блестящих побед в Афганистане, Северной Индии, собирался продолжить путь для новых завоеваний. Но, получив весть о смерти своего брата Ибрагим-хана и поражении иранцев в Джаро-Белоканах, «Гроза Вселенной» решил срочно вернуться в Персию, чтобы жестокими мерами наказать северокавказские народы и утвердить свою власть в Прикаспии [2, с. 182].

Весной 1741 г. персидские войска начали наступление на Джаро-Белоканы. Дагестанские владетели шамхал Хасбулат и кайтагский уцмий получили приказ поддержать иранцев и набрать войска. Однако северокавказские владетели, влиятельные старшины Анцуха и Цудахара, к которым обратился Хасбулат, решительно отказались от предложения поддержать персов, а «присланных с жалованьем прогнали» [3, д. 4, л. 94, 97]. Обращение представителя Надир-шаха Али-Кули-хана к Сурхай-хану, Ахмед-хану и к некоторым старшинам закончилось также безуспешно [Там же, л. 162].

Между тем, создавшейся обстановкой пыталась воспользоваться Османская империя. Османы тайно подстрекали северокавказские народы на борьбу, обнадеживая их поддержкой, но избегая открытого конфликта с Ираном. Наблюдавший за взаимоотношениями между Персией и Портой российский посланник в Иране И. Калушкин докладывал правительству, что «из поступков сих двух магометанских дворов усмотреть можно – оные на разрыв мира между собою горячего хотения не оказывают» [10, с. 100].

В мае 1741 г. Надир во главе 100-тысячной армии вторгся в пределы Дагестана [7, с. 442].

Следует отметить, что этот поход, переросший для Надира в Дагестанскую кампанию 1741-1743 гг., начался в благоприятных для шаха условиях, так как Стамбул и Петербург, связанные соответственно Эрзерумским 1736 г. и Белградским 1739 г. мирными договорами с Персией, не могли открыто вмешиваться в ход этого похода иранцев. Пользуясь тем, что северокавказские народы оказались без поддержки извне, предоставленными собственной судьбе, Надир-шах начал третий поход [8, с. 216].